

Джонатан Брунстедт

Роль официального увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в разработке концепции «советского народа»¹

«Нет на свете столько золота, нет земли, столь прекрасной и плодоносной, чтобы мы ради этих благ захотели перейти на сторону персов и предать Элладу в рабство. Много причин, и притом весьма важных, не позволяет нам так поступить, если бы мы даже пожелали этого. [...] Наше кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношения на празднествах и одинаковый образ жизни. Предать все это – позор для афинян».

Геродот, *История*, Книга восьмая, ок. 440 до н.э.

«Я беспокоюсь, как бы оценка Сталина русского народа в Отечественной войне не привела бы к зазнайству и противопоставлению одной нации другой.

Тов. Эпштейн, инженер Наркомата электростанций»².

Введение

На кремлевском банкете 24 мая 1945 года Сталин произнес часто цитируемый тост, в котором выделил роль русского народа в победе над нацистской Германией: «Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза [...] потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны»³. В Советском Союзе мнения по поводу этого тоста разошлись, но с уверенностью можно сказать, что не все граждане были полностью согласны или всецело поняли подоб-

¹ Ранняя версия этой статьи была опубликована на английском языке: Brunstedt J. Building a Pan-Soviet Past: The Soviet War Cult and the Turn Away from Ethnic Particularism // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2011. Vol. 38. No. 2. P. 149-171.

² Москва послевоенная, 1945-1947: Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинов и др. М., 2000. С. 53.

³ Правда. 25 мая 1945. С. 1.

ное возвеличивание русского народа⁴. Один директор завода, например, поделился своим мнением с секретарем местной партийной организации: «Меня удивляет, что т. Сталин, который всегда подчеркивал значение интернационализма в нашей стране, теперь же особо выделил русский народ». Другой работник завода, согласно протоколу, заявил: «Непонятно, почему только о русском народе говорил т. Сталин, а ведь украинский, белорусский и другие народы переносили большие трудности и героически боролись с врагом»⁵. И Леонид Брежнев, и Михаил Горбачев – в качестве руководителей партии – подобным же образом указывали на ведущую роль русского народа в победе, поддерживая образ Советского Союза как семьи отдельных наций с русским народом во главе. Однако акцентирование внимания на единичных русоцентрических ремарках может создать обманчивое впечатление о природе и функциях официальной памяти о войне. В действительности, еще более удивительным, чем сталинский тост, является та мера, в которой советское государство преуменьшало русскую исключительность в праздновании победы в пользу концепции «воображаемого политического сообщества», в рамках которой на первый план выходила неэтническая, сверхсоветская однородность⁶.

На основе исследования дискурса элит относительно поминовения павших в войне и комсомольских программ по военно-патриотическому воспитанию в первые годы построения советского «культа» Великой Отечественной войны в данной статье описываются пределы заигрывания советского руководства с русоцентрической пропагандой и «нациеформирующим» русским национализмом⁷. Здесь наш анализ расходится с довольно распространенным изображением советского увековечивания памяти о войне как глубоко русоцентрического феномена, как расходится и с научными работами, в которых подчеркиваются симпатии и доверие со стороны партийного руководства по отношению к русским националистам-интеллектуалам и досоциалистическим идеям в контексте массо-

⁴ Werth A. *Russia at War, 1941-1945*. N.Y., 1964. P. 1002.

⁵ Москва послевоенная. С. 53.

⁶ Здесь мы заимствуем часто используемое конструктивистское определение нации как сообщества, в котором индивиды «никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности». Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L., 2006. P. 5-7.

⁷ Нина Тумаркин в своем новаторском исследовании первой описала советское увековечивание памяти о войне как государственный культ: Tumarkin N. *The Living & the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. N.Y., 1994. В отличие от национализма, стремящего обрести государство, «нациеформирующий» национализм, по определению Брубейкера, стремится «национализировать уже существующую политическую общность». Ицхак Брудный развил определение Брубейкера, предположив, что данный тип национализма обычно выражают члены национального большинства, которые, несмотря ни на что, проявляют фундаментальное социальное, политическое, экономическое и культурное недовольство в отношении нормативной реальности существующего государства. См.: Brubaker R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge, 1996. P. 79; Brudny Y.M. *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991*. Cambridge, Mass., 1998. P. 5-6.

вой мобилизации. Как будет показано ниже, надэтническая, социалистическая тематика культа войны со временем затмила – а в некоторых случаях и отвергла – русоцентризм сталинской эпохи. Таким образом, представляется наиболее точным охарактеризовать советское увековечивание памяти о войне не столько как продукт этнической иерархии государства, сколько как серьезную – хотя и безуспешную – официальную попытку отойти от продвижения субгосударственных этнических идентичностей во имя превосходящей идеи трансцендентального «советского народа».

В области исследований памяти, подобное акцентирование внимания на производстве или «изобретении» политическими элитами «общественной памяти» – то есть, на процессах, посредством которых отдельные люди в том или ином обществе получают и сохраняют «чувство прошлого, превосходящее то, что они сами помнят» – попало под огонь критики из-за того, что это внимание, в первую очередь, уделяется традиционной высокой политике и манипулированию элитами общественным мнением⁸. Например, историки общественной памяти стремятся исследовать процессы формирования памяти снизу вверх и, таким образом, восстанавливать голоса людей, которыми уже давно пренебрегают в пользу меньшинства политических элит⁹. Другие, следуя Фуко, предпочитают концентрироваться на против-воспоминаниях, возникающих в качестве намеренной оппозиции доминирующему дискурсу государства¹⁰. Более того, особенно влиятельной стала методология Джея Уинтера, который отверг государствоцентрический подход в изучении памяти войны. С точки зрения Уинтера, увековечивание памяти связано с размышлением о вселенской травме современной войны путем канализирования личного горя в публичный траур. Уинтер настаивает на смещении внимания с политических элит, занимающих государственные посты, на местные сообщества, которые, как он считает, являются основными агентами общественного увековечивания памяти¹¹.

Однако эффективность любого подхода в значительной степени зависит от объекта исследования¹². Утверждение Алона Конфино о том, что «главным вопросом в истории памяти является не то, как отображается прошлое, но почему

---

⁸ Цит. по: Cubitt G. *History and Memory*. Manchester, 2007. P. 14-15. Известную критику подхода «изобретения традиции» см. в: Confino A. *Collective Memory and Cultural History: Problems of Method* // *The American Historical Review*. 1997. Vol. 102. No. 5. P. 1386-1403.

⁹ См.: Thomson A. *Anzac Memories: Living with the Legend*. N.Y., 1994; Passerini L. *Fascism in Popular Memory: the Cultural Experience of the Turin Working Class*. Cambridge, 1987; *Making Histories: Studies in History-Writing and Politics* / Ed. R. Johnson. L., 1982.

¹⁰ См.: Tachibana R. *Narrative as Counter-Memory: a Half-Century of Postwar Writing in Germany and Japan*. N.Y., 1998.

¹¹ Winter J. *Remembering War: the Great War between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven, 2006. Особенно Глава 6; Winter J., Sivan E. *Setting the Framework* // *War and Remembrance in the Twentieth Century* / Ed. J. Winter, E. Sivan. Cambridge, 1999. P. 6-39; Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge, 1998.

¹² Cubitt. *History and Memory*. P. 234-240; Misztal B.A. *Theories of Social Remembering*. Maidenhead, 2003. P. 59.

оно было воспринято или отвергнуто», возможно, не совсем подходит для изучения общественного увековечивания памяти в недемократических однопартийных системах, в которых государство играет непропорционально доминирующую роль в определении «новых терминов и категорий, с помощью которых следует воспринимать новое прошлое»¹³. Действительно, в тех политических культурах, где партийная элита довольно жестко контролирует механизмы общественного увековечивания памяти и снижает до минимума альтернативные прочтения событий прошлого, изучение «официального» дискурса государства представляется крайне уместным. Исследования намерений и мотивации политических элит, равно как и противоречия и непостоянство самого официального дискурса, дают возможность понять ту концептуальную структуру, в рамках которой реализуется самовосприятие общества¹⁴. Как признает даже Джей Уинтер, «политические группы и институты вводят коллективную память [...] в процесс»¹⁵.

Помимо всего прочего, анализ практик официального увековечивания памяти – таких как финансируемое государством воздвижение памятников, производство ритуалов и текстов – может пролить свет на стратегии правителей относительно культивирования национальной сплоченности и общественной идеи идентичности внутри более крупного воображаемого сообщества¹⁶. Исследователи общественного увековечивания памяти и национализма показали, как политические элиты стремятся поощрять групповую солидарность, основанную на этнических связях, неэтнической «гражданской» приверженности закону и гражданскому обществу или даже наднациональной верности обязывающим государственным символам¹⁷. В советском контексте, учитывая распад государства в примерном соответствии с национальными границами, доминирующим направ-

---

¹³ Confino. *Collective Memory*. P. 1390. Последняя цитата из: Corney F.C. *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca, 2004. P. 10-11. В своем анализе развития официального мифа Октябрьской революции Корни выявляет наличие хорошо мобилизованного, тяжеловесного стремления к сотворению мифов – или «проекта памяти» – в раннем Советском Союзе, в котором гражданство не было «*tabula rasa*», на которую государство проецировало свой взгляд на прошлое. Напротив, «эффективность истории зависела от способности рассказчиков вовлечь слушателей, включить их в рассказывание истории». Также см.: Watson R.S. *Memory, History, and Opposition under State Socialism: An Introduction* / *Memory, History, and Opposition under State Socialism* // Ed. R.S. Watson. Sante Fe, N.M., 1994. P. 10-19; Humphrey C. *Remembering an "Enemy": The Bogd Khaan in Twentieth-Century Mongolia* / *Memory, History, and Opposition under State Socialism*. P. 22-42.

¹⁴ Misztal. *Social Remembering*. P. 59.

¹⁵ Winter J. *Introduction: The Performance of the Past: Memory, History, Identity* // *Performing the Past: Memory, History, and Identity in modern Europe* / Ed. K. Tilmans et al. Amsterdam, 2010. P. 17.

¹⁶ Misztal. *Social Remembering*. P. 129-130; Smith A.D. *Memory and Modernity: Reflections on Ernest Gellner's Theory of Nationalism* // *Nations and Nationalism*. 1996. Vol. 2. No. 3. P. 383.

¹⁷ О различиях между гражданскими и этническими нациями см. классический текст Кона: Kohn H. *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background*. New Brunswick, N.J., 2005. Исследование наднациональной идентичности, основанной на государственном культе Франца Йозефа в австрийской части Империи Габсбургов, см. в: Unowsky D.L. *The Pomp and Politics of Patriotism: Imperial Celebrations in Habsburg Austria, 1848-1916*. West Lafayette, Ind., 2005.

лением в историографии являлся акцент на том, что сначала режим придерживался стратегии формирования субгосударственных национальных идентичностей, а позднее установил приоритет русского этнического ядра государства¹⁸. Считается также, что построение доминирующей «советской идентичности» было несерьезным проектом или же вообще не входило в планы режима¹⁹. За несколькими примечательными исключениями, официальное увековечивание памяти о Великой Отечественной войне в поздне-социалистический период изображается как следствие принятия режимом русоцентрических позиций и распространения влияния русского национализма в партийном истеблишменте²⁰.

Вместе с тем, как недавно отметил Бенджамин Тромли, «само насыщение жизни советских людей патриотическими разговорами – не говоря уже о значительном успехе Советского Союза в мобилизации собственных граждан – ставит под сомнение идею о том, что [надгосударственный] советский патриотизм был пустой категорией или же просто национальной оболочкой»²¹. Это не подразумевает, что наднациональное социалистическое воображаемое сообщество действительно успешно выместило этническую идентичность в умах советских граждан или что русоцентризм или концепция этничности были полностью исключены из государственной пропаганды. Однако более тщательное изучение эволюции официального дискурса и связанных с культом войны мемориальных практик в течение десятилетий после 1945 года свидетельствует о том, что для партийного руководства неэтническая, пан-советская идентичность стала приобретать все большее значение по сравнению с субгосударственной этнической принадлежностью.

---

¹⁸ Особенно см.: Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca, 2001; Suny R.G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, Calif., 1993; Brudny. *Reinventing Russia*.

¹⁹ Например, см.: Brudny. *Reinventing Russia*. P. 43; Martin. *The Affirmative Action Empire*. P. 461; Brubaker. *Nationalism Reframed*. P. 28; Suny R.G. *Ambiguous Categories: States, Empires and Nations // Post-Soviet Affairs*. 1995. Vol. 11. No. 2. P. 190; Slezkine Y. *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 435.

²⁰ Русоцентрическая природа войны предполагается, например, в: Lovell S. *The Soviet Union: a Very Short Introduction*. Oxford, 2009. P. 111; Merridale C. *Ivan's War: the Red Army 1939-1945*. L., 2006. P. 322-323; War, Death, and Remembrance in Soviet Russia // *War and Remembrance in the Twentieth Century* / Ed. J. Winter, E. Sivan. Cambridge, 1999. P. 76, 79; Slezkine Y. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, 1994. P. 309. Николай Митрохин в своем передовом исследовании полагает, что русские националисты на самом деле сыграли важную роль в заложении основ культа войны, см.: Митрохин Н. *Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы*. М., 2003. С. 114-116, 276-283, 291-293.

²¹ Tromly B. *Soviet Patriotism and its Discontents among Higher Education Students in Khrushchev-Era Russia and Ukraine // Nationalities Papers*. 2009. Vol. 37. No. 3. P. 299.

Сталинистский русоцентризм и память о войне

Исследователи уже долгое время обсуждают значение возрождения в сталинскую эпоху образов, связанных с дореволюционной Россией – важный аспект более общего консервативного отхода от интернационалистских и классово-ориентированных идеологических заповедей 1920-х годов²². Одно из наиболее новаторских и убедительных объяснений за последнее время предложил Давид Бранденбергер, который охарактеризовал этот отход в качестве некой формы популистского этатизма и реакции на быстро меняющуюся внутреннюю и внешнюю обстановку. Как считает Бранденбергер, во время быстрой индустриализации и мобилизации для военных целей новая идеологическая линия «окутала марксистско-ленинское мировоззрение русоцентрической, этатистской риторикой» для того, чтобы более эффективно «пропагандировать государство-строение и поддерживать общественную лояльность режиму»²³. Советское руководство оставалось крайне избирательным в возрождении русского национального прошлого и, будучи «национальными по форме», отдельные русские дореволюционные мифы и личности были лишены национального содержания и переориентированы на проповедь социалистических идеалов малообразованному советскому населению, для которых абстрактные марксистские концепции были менее воодушевляющими²⁴.

Откровенно инструментальная природа упомянутого отхода хорошо прослеживается в пропаганде и политике 1941 – 1945-х годов – в период, который считается апогеем использования партией русоцентрических, досоциалистических мотивов. Например, время и природа уступок православной церкви наводят на мысль о намерениях облегчить восстановление контроля в западных приграничных районах, в которых Гитлер проявлял терпимость в отношении религиоз-

---

²² Классической работой, которая дала этому феномену название «великое отступление», является: Timasheff N. *The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia*. N.Y., 1946. Об утверждении о том, что Сталин встал под знамена русского национализма, см. также: Lewin M. *The Soviet Century*. L., 2005. Глава 12; Tucker R.C. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928-1941*. N.Y., 1990; idem. *Stalin as Revolutionary, 1879-1929: A Study in History and Personality*. N.Y., 1973. О важном отходе от интерпретации «Великого отступления» см.: Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995. P. 355-59; Malia M. *The Soviet Tragedy: a History of Socialism in Russia, 1917-1991*. N.Y., 1996. P. 235-237; Hoffmann D.L. Was There a “Great Retreat” from Soviet Socialism? *Stalinist Culture Reconsidered* // *Kritika*. 2004. Vol. 5. No. 4. P. 651-674.

²³ Brandenberger D. *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956*. Cambridge, Mass., 2002. P. 6, 62. Использование Бранденбергером термина «национал-большевизм» не следует путать с использованием этого термина в других работах. Дискуссию о некоторых разновидностях национал-большевизма и попытке сузить это понятие см. в: Van Ree E. *The Concept of “National Bolshevism”: an Interpretative Essay* // *Journal of Political Ideologies*. 2001. Vol. 6. No. 3. P. 289-307. Кроме работы Бранденбергера термин широко использовался в: Agursky M. *The Third Rome: National Bolshevism in the USSR*. Boulder, 1987; Dunlop J.B. *The Faces of Contemporary Russian Nationalism*. Princeton, 1983. P. 254-265.

²⁴ Brandenberger. *National Bolshevism*. Особенно Главы 2 и 3.

ных практик²⁵. Точно также роспуск Коминтерна был прагматическим ходом, направленным на то, чтобы вновь уверить союзников в намерениях Советского Союза и скрыть геополитические цели Сталина в Центральной и Восточной Европе; в то же время функции организации были переданы новообразованному Международному отделу при Центральном комитете²⁶. Более того, по крайней мере, вплоть до 1944 года советское руководство старалось мобилизовать нерусское население с помощью пропаганды, в которой подчеркивались нерусские темы и персонажи²⁷. Джеффри Брукс даже предположил, что то внимание, которое историки уделили русским дореволюционным образам во время войны, в действительности превосходит его относительную значимость. В количественном отношении, по мнению Брукса, «эти скорее русские, чем советские, темы были меньшей частью более широкого дискурса, а статьи о "Святой Руси", которые производили большое впечатление на некоторых иностранных обозревателей, на самом деле редко встречались в дневных сводках о войне». Брукс полагает, что во время войны в официальной культуре зародился контр-нарратив, в рамках которого в целом нивелировался этнический партикуляризм – за исключением случайного внимания к этническим русским, – а советское население определялось «просто как солдаты или гражданские, а не как узбеки, украинцы и другие народы»²⁸. Точно также в воспоминаниях Александра Верта о войне можно выделить развитие параллельного, не- или надэтнического вектора, о котором Верт говорит как о возвращении к «ленинской чистоте» и «стремлении к большему "советскому самосознанию"»²⁹.

К первому послевоенному периоду, как предположили Амир Вейнер и другие, возникновение «мифа о войне» стало основанием этнически-инклюзивной, пан-советской политической линии³⁰. В августе 1946 года был разработан трансцендентальный, социалистический – в отличие от этнически русского – характер

---

²⁵ Hosking G. *Rulers and Victims: The Russians in the Soviet Union*. Cambridge, Mass., 2006. P. 201; Service R. *Stalin: a Biography*. L., 2005. P. 442-244; Miner S.M. *Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941-1945*. Chapel Hill, 2003. P. 163-202.

²⁶ Service. *Stalin*. P. 444-445.

²⁷ Случай с полемической книгой *История казахской ССР* является наиболее интересным примером. См.: Brandenberger D. "...It is Imperative to Advance Russian Nationalism as the First Priority": Debates within the Stalinist Ideological Establishment, 1941-1945 // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Ed. R.G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001. P. 281-288.

²⁸ Brooks J. *Pravda Goes to War // Culture and Entertainment in Wartime Russia* / Ed. R. Stites. Bloomington, 1995. P. 20-21.

²⁹ Werth. *Russia at War*. P. 740-741.

³⁰ Weiner A. *Making Sense of War: the Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001. P. 385; idem. *The Making of a Dominant Myth: the Second World War and the Construction of Political Identities within the Soviet Polity* // *Russian Review*. 1996. Vol. 55. No. 4. P. 638-641, 60; Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge & the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005. P. 309-312; Brooks J. *Thank You, Comrade Stalin!: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton, 2000. P. 198-206.

военного мифа и решительно отвергнуто понятие «единого потока» в интерпретации российской истории *в отношении войны*. Как писал Жданов,

«Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны. [...] Одержанная в Великой Отечественной войне блестящая победа социализма, которая явилась также блестящей победой марксизма, стала костью поперек горла империалистов»³¹.

Послевоенные идеологи сделали многое для того, чтобы особое значение придавалось пан-советскому характеру победы и ее советским, а не до-советским предшественникам³². Откровенные проявления русского шовинизма сдерживались и заменялись всепроникающим антисемитизмом и антизападничеством³³. Сталин оставался крайне подозрительным в отношении русских националистических настроений, а «ждановщина» налагала строгие ограничения на проявления русской исключительности в сфере культуры³⁴. Действительно, можно предположить, что, будучи столь противоположным духу мифа о войне, сталинский тост в честь русского народа остается самым часто цитируемым примером сталинского русоцентризма. Однако даже этот наиболее очевидный пример имеет свои пределы. Публичное заявление – спустя лишь две недели после Дня победы – о том, что этнические русские сыграли ведущую роль в войне (правдивое замечание по всем параметрам), не является ни проявлением шовинизма, ни отходом от формулы «дружбы народов», в которой признавалась условная этническая иерархия в целях социалистического развития, но которая подчиняла все этниче-

³¹ Zhdanov A.A. *Essays on Literature, Philosophy, and Music*. Цит. по: Dunlop. *Faces*. P. 24. См. также: Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Bloomington, 2000. P. 198-199.

³² Brandenberger. *National Bolshevism*. P. 185, 92.

³³ Об уменьшении русоцентризма после войны см.: Dunmore T. *Soviet Politics, 1945-53*. N.Y., 1984. P. 130; Dunlop. *Faces*. P. 23-28; Hahn W. *Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946-53*. Ithaca, 1982. P. 9-20. Бранденбергер, с другой стороны, полагает, что отход от русоцентризма вызывает меньше удивления, если рассматривать его в контексте более широкого подавления выражения нерусских тем, и что в действительности «русская история заняла еще более привилегированное место». Brandenberger. *National Bolshevism*. P. 185-196. Однако в своей поздней работе он обращал внимание на строгие границы проявления русоцентризма в послевоенную эпоху, см.: Brandenberger D. *Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism // The Russian Review*. 2004. Vol. 63. No. 2. P. 241-255. О позднесталинских репрессиях см., например: Furst J. *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*. N.Y., 2010. Глава 2; Zubkova E. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945-1957*. Armonk, N.Y., 1998. P. 135-138; Kirschenbaum L.A. *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941-1995: Myth, Memories, and Monuments*. Cambridge, 2006. P. 143-147; Brandenberger. *Stalin, the Leningrad Affair*; Kostyrchenko G. *Out of the Red Shadows: Anti-Semitism in Stalin's Russia*. Amherst, N.Y., 1995.

³⁴ Костырченко Г. Маленков против Жданова. Игры сталинских фаворитов // *Родина*. 2000. № 9. С. 90; Hosking. *Rulers and Victims*. P. 253-55; Service. *Stalin*. P. 479; Brandenberger. *Stalin, the Leningrad Affair*. P. 241-55; idem. *National Bolshevism*. P. 189-193.

ские группы советскому государству, сверх-этническому пониманию принадлежности и идее слияния народов в долгосрочной перспективе. По мнению Анатоля Ливена, сталинский тост не предполагал, что советское государство было де-факто русским государством, совсем наоборот. Как пишет Ливен, «[Сталин] поблагодарил "великий русский народ" за его долготерпение, веру и поддержку *советского* правительства – это сочетание слов обнаруживает близость новых советско-русских отношений, но также стойкие элементы отдаленности»³⁵.

Бранденбергер также определил явное напряжение между двумя господствующими послевоенными политическими линиями – русской этноцентрической, с одной стороны, и наднациональной, основанной на мифологии войны – с другой³⁶. В общем и целом, две эти темы оставались обособленными в официальном дискурсе. Несмотря на отдельные попытки связать победу в войне с более широким контекстом русской истории³⁷, те работы, которые были всецело посвящены войне, продолжали подчеркивать ее пан-советский, а не этноцентрический характер. Например, в книге *Великая победа советского народа*, опубликованной в 1950 году, о войне пишется как о подлинной победе социалистической системы и объединенного советского народа. Не Россия, а советский народ сражался в войне, защищая советскую землю, социалистическую Родину и великие завоевания социалистической революции³⁸. Победу над Вермахтом сделала возможной не тысячелетняя история России, скорее это было освобождение от этой истории: «Победа советского народа [...] объясняется, прежде всего, тем, что наше государство благодаря Великой Октябрьской социалистической революции далеко шагнуло вперед от времен царской России и превратилось в пере-

---

³⁵ Lieven A. The Weakness of Russian Nationalism // *Survival*. 1999. Vol. 41. No. 2. P. 64 (курсив в оригинале). См. также: Beissinger M.R. The Persisting Ambiguity of Empire // *Post-Soviet Affairs*. 1995. Vol. 11. No. 2. P. 162; Szporluk R. Introduction: Statehood and Nation Building in Post-Soviet Space // *National Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia* / Ed. R. Szporluk. Armonk, N.Y., 1994. P. 5.

³⁶ Brandenberger. *National Bolshevism*. P. 196.

³⁷ Ibid. P. 132. См., например: Панкратова А.М. Великий русский народ. М., 1948. Идея книги возникла из публичной лекции Панкратовой 10 января 1947 года, стенографический отчет о которой был опубликован в том же году. За свою отправную точку Панкратова берет сталинский «тост в честь русского народа», который открывает ее лекцию. Панкратова А.М. Великий русский народ. Стенограмма публичной лекции. М., 1947. Во втором издании был расширен раздел о войне, см.: Она же. Великий русский народ. М., 1952. С. 172-198.

³⁸ Шатагин Н.И., Осипов Ж.С. Великая победа советского народа: к пятой годовщине разгрома гитлеровской Германии. М., 1950. С. 9, 12, 16. См. также брошюры, выпущенные Центральным музеем Советской армии, где ссылки на досоциалистическое прошлое (например, великие военные традиции русского народа) заметным образом отсутствуют, а внимание концентрируется на советском характере победы в Великой Отечественной войне: Центральный музей Красной армии. Краткий путеводитель по залам экспозиции. М., 1946; Документы воинской славы. М., 1949; Центральный музей Красной армии. Памятка посетителю музея. М., 1949; Экскурсии, лекции, консультации, выставки. М., 1950; Тематика экскурсии для солдат и сержантов советской армии (в помощь политическим занятиям на 1951/52 учебный год). М., 1951; Положение о Центральном музее Советской армии. М., 1952; Тематика экскурсии для солдат и сержантов Советской армии (в помощь политическим занятиям). М., 1953.

довую и могучую социалистическую державу»³⁹. И хотя в работе подчеркивалось уважение государства к расцвету особых национальных культур в Советском Союзе, а также несколько раз отмечалась ведущая роль русского народа, общая картина *Великой победы* и других подобных текстов показывает сплоченный социалистический народ, рожденный в революции и закаленный в войне⁴⁰.

Следует, однако, подчеркнуть, что, несмотря на то, что в сталинскую эпоху миф о войне возник преимущественно без идеологических отсылок к досоциалистическому прошлому России, пересечения тем и некоторая двусмысленность в ограниченной степени сохранялись. К примеру, согласно черновому варианту расписания выступлений, список публичных лекций в московском Парке Горького в 1945 года включал:

- «1. Великие заслуги Советского народа перед историей человечества;
2. О могучем источнике силы нашей родины – Советском патриотизме;
3. Патриотические подвиги русского народа;
4. События Великой Отечественной войны»⁴¹.

Точно также во время дискуссии на собрании московского Союза художников в 1948 году о роли живописи в патриотическом воспитании в речи ведущего докладчика сменялись темы победы советского народа в войне и эпохи досоциалистической России:

«Глубока по своему содержанию патриотическая картина "Непокоренные" Цвирко, выражающая героическую борьбу непреклонного *советского* народа в Великой Отечественной войне.

Тем же духом патриотизма отмечены и исторические произведения художника Бубнова "Утро на Куликовом поле", в котором мы ощущаем непреклонную волю *русского* народа к победе, и свободе и независимости»⁴².

Дерусификация мифа о войне: военно-патриотическое воспитание после Сталина

Такое ограниченное идеологическое смешение стало предметом более пристального партийного внимания партии после 1953 года в рамках более общего «воз-

³⁹ Шатагин, Осипов. Великая победа. С. 33.

⁴⁰ Там же. Особенно с. 34-35, 37-38, 41, 54. Другой пример см. в: Трайнин И. Советское многонациональное государство. М., 1947.

⁴¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы [ЦАОПИМ]. Ф. 4. Оп. 39. Д. 84. Л. 47. Курсив мой.

⁴² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 39. Д. 175. Л. 13. Курсив мой.

вращения к ленинизму», которое включало дальнейшее разъединение остаточного русоцентризма и памяти о войне. Этот процесс можно обнаружить в каждом аспекте молодого государственного культа войны: от удаления русоцентрической надписи на главном военном мемориале сталинской эпохи до производства текстов о войне, в которых сглаживалась русская исключительность и, наоборот, изображалась неэтническая гражданская однородность⁴³. Вместо органического принятия несомненно русоцентрической политики военного периода, с 1953 года советские идеологи говорили об этой тактике как об однозначно инструментальной в целях побуждения размышления о социалистическом настоящем, а не о досоциалистическом прошлом⁴⁴. Уже в середине 1950-х гг. советский патриотизм, основанный на победе 1945 года, затмевал изучение военных деятелей и событий досоциалистической России в государственной пропаганде и военно-патриотическом воспитании⁴⁵. Например, одна из типичных эстафет 1957 года от Сталинграда до Одессы следовала по пути продвижения 62-ой армии во время войны. Данный маршрут был выбран отчасти по той причине, что 62-армия воплотила в себе Советский Союз в целом:

«Здесь были рабочие московских и ленинградских заводов, колхозники Сибири и металлурги с [...] Урала, хлопкоробы Узбекистана и горняки Донбасса, горьковские машиностроители и казахские животноводы, вятские лесорубы и таежные охотники, волжские речники и ивановские текстильщики».

---

⁴³ В 1959 году фраза «Слава героям Великой Руси» была убрана с советского военного мемориала в Трептов-парке; ее заменил неэтнический советский вариант. См. меморандумы Центрального комитета в: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 111. Л. 24, 27. Примеры текстов, связанных с культом войны, см. в: Борьба ленинской партии против национализма, за интернационализм / Под ред. И.И. Грошева, Н.И. Кебадзе, Л.Д. Лебедевой и др. М., 1982. С. 172-204; Triumph of the Leninist Ideas of Proletarian Internationalism: Based on Material from the Central Asian Republics and Kazakhstan, 1917-1978 / Ed. M.P. Kim. M., 1979. P. 237-251; Крючок Р.Р. Дружба народов СССР: один из могучих источников всенародного партизанского движения (1941-1944) // Братское единство народов СССР / Под ред. М.П. Кима. М., 1976; Фролов П.М. Интернациональное воспитание в военно-историческом кружке // Военно-патриотическое воспитание в обучении истории при изучении Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945 гг.) / Под ред. Н.Г. Дайри. М., 1970. С. 116-125; Г.Д. Комков. Истоки победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1961. С. 12-19, 36-52.

⁴⁴ Это действительно было намерением сталинского руководства во время войны, см.: Brandenberger D. Stalin's Populism and the Accidental Creation of Russian Identity // Nationalities. 2010. Vol. 38. No. 5. P. 728. Авторитетный пример из позднесоветской эпохи см. в: Bagramov E.A. The CPSU's Nationalities Policy: Truth and Lies. M., 1988. P. 55-56.

⁴⁵ В доказательство этого, о предложениях и обсуждении деятельности см.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 47. Д. 496. Л. 1-10; Темы экскурсии для учащихся 4-10 классов. М., 1955; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 394. Л. 25-26; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 397. Л. 11-17; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 397. Л. 48-55; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 405. Л. 1-10; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 405. Л. 17-25; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 405. Л. 27-31; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 417. Л. 1-4; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 415. Л. 13-25; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 416. Л. 24-28; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 423. Л. 82-87; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 416. Л. 43-48; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 416. Л. 32-38.

Посредством глубокого изучения величайших триумфов советского народа в эстафете подчеркивалось многонациональное единство. В заявке на проведение эстафеты указывалось:

«По пути следования эстафеты комсомольские организации проводят встречи молодежи с участниками гражданской и Великой Отечественной войны, [...] организовывают лекции, доклады, беседы для молодежи о борьбе советского народа за построение социализма в нашей стране и защите советского государства от внутренних и внешних врагов. Широко пропагандируют успехи, достигнутые советским народом [...]. Учитывая, что работа по охране, изучению и популяризации памятников гражданской и Великой Отечественной войны имеет большое значение в деле воспитания молодежи в духе советского патриотизма [...] первичным комсомольским организациям необходимо провести работу по благоустройству братских и одиночных могил советских воинов и партизан, погибших в борьбе с врагами Советского государства. Организовать экскурсии молодежи по ознакомлению с историческими памятниками борьбы советского народа в годы гражданской и Великой Отечественной войны»⁴⁶.

Несмотря на военизированную природу подобных мероприятий, это почти всегда был милитаризм, посвященный защите *социалистической* Родины без каких-либо явных отсылок к досоциалистическому или русоцентрическому прошлому.

Конечно, обновленная ориентация на наднациональную, социалистическую сущность войны оставалась оспариваемым процессом, прерываемым внутренними противоречиями, особенно после смещения Хрущева, когда отдельные варианты русского национализма стали проникать в некоторые сегменты партии и государства. Например, согласно двум независимым наблюдениям о подготовке к празднованию переломного Дня победы 1965 года, главный политический сторонник русских националистов в партийном руководстве того времени, Александр Шелепин, попытался направить первый доклад Брежнева о Дне победы – и о годовщине в целом – в недвусмысленно нео-сталинистское русло, по-видимому, с очевидным русоцентрическим оттенком⁴⁷. Брежнев и его сторонники в Политбюро, с другой стороны, не имели желаний превозносить Сталина превыше той меры, которая была необходима для восстановления мифологии войны в качестве мощной идеологической опоры. В конечном итоге Брежнев одержал победу в этой схватке и поместил в доклад лишь мимолетное упомина-

---

⁴⁶ Согласно плану эстафеты должны были использоваться различные виды транспорта, включая мотоциклы, лошади и лыжи, см.: РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 416. Л. 49-72, цитаты из л. 52 и 67. Другой пример о мотоциклетной эстафете к местам важных боев Второй мировой войны в Херсонской области см. в: РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 416. Л. 39-42.

⁴⁷ Роль Шелепина как покровителя русских националистов в партии обсуждается в: Митрохин. Русская партия.

ние о роли Сталина в военных усилиях, почти полностью сконцентрировавшись на всесоюзной природе победы и превознося участников советских вооруженных сил «от маршалов до рядовых». Битва за тон и содержание празднования годовщины победы в 1965 году, по мнению одного из спичрайтеров Брежнева в то время, определила не что иное, как характер всей брежневской эпохи⁴⁸. Несмотря на то, что фракция Шелепина в советском руководстве участвовала в создании значительной части структуры военного культа, после того, как Брежнев встал у кормила власти, «шелепинцы», как пишет Митрохин, «не смогли набрать на этом достаточного политического веса»⁴⁹.

В программах комсомольского военно-патриотического воспитания можно обнаружить отличный пример пост-сталинского отхода от русоцентризма в практике официального увековечивания памяти о войне, но также и спорной природы этого процесса. В конце концов, при Шелепине (1952–1958), но еще больше при Сергее Павлове (1959–1968) Комсомол стал консервативным бастионом и проводником националистических чувств, по всей видимости, в целях противодействия западным влияниям на советскую молодежь. Идеологией, пропагандируемой в организации, была, как отмечает Митрохин, смесь «красного патриотизма», «романтического милитаризма», антисемитизма, ксенофобии и этнонационализма. Эта идеология была пропитана «воспоминаниями о последнем десятилетии сталинского правления», в котором виделось «закономерное продолжение русской истории». В середине 1960-х гг. Комсомол открыто отвергал как антипатриотическую частичную либерализацию советской жизни при Хрущеве и его осуждение Сталина – верховного главнокомандующего Советского Союза во время войны⁵⁰. Учитывая такую повестку дня, тема войны, должно быть, дала руководству ВЛКСМ привлекательное средство внушения понятия русского превосходства и фундаментально русского характера победы 1945 года.

Обостренное внимание на военно-патриотических темах в Комсомоле действительно являлось свидетельством периодически возникающих вызовов пансоветской интерпретации мифа войны. Дискуссии о патриотизме на публичных форумах, например, иногда превращались в беззастенчивое русоцентрическое

---

⁴⁸ Эти наблюдения можно обнаружить в: Смирнов Г.Л. Уроки минувшего. М., 1997. С. 114-121. Цитата на с. 117; Бурлатский Ф.М. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них. М., 1990. С. 283-285, 323-326.

⁴⁹ Митрохин. Русская партия. С. 114. Митрохин предполагает, что сторонники национализма контролировали большую часть поздне-социалистического культа войны посредством деятельности Комсомола и публикации повестей и мемуаров на военную тематику, см.: Там же. С. 115-116, 277. Однако, как будет показано ниже, доминирующая фракция Политбюро продолжала пропагандировать идею о войне как о победе надэтнического советского народа, одновременно нивелируя этнический партикуляризм и дореволюционное наследие.

⁵⁰ Митрохин. Русская партия. С. 236-250, 269-299. Цитаты на с. 249-250; Brudny. *Reinventing Russia*. P. 61-63.

самоллюбование⁵¹. Подобным же образом, в редких случаях в комсомольских программах военно-патриотического воспитания встречались прямые отсылки на русские дореволюционные темы⁵². Однако, несмотря на стойкое присутствие национал-партикуляристских настроений в организации, военно-историческое воспитание оставалось приверженным идее социалистической Родины и подвигам трансцендентального советского народа, а не единоличной роли русского народа или темам, связанным с тысячелетней русской историей. Таким образом, в качественном смысле поздне-социалистическая патриотическая доктрина не была радикальным отходом от идеологии, установленной при Хрущеве. Концепция деэтнизированного, инклюзивного советского патриотизма в значительной степени оставалась неизменной при Павлове, даже если в количественном смысле акцент на (советской) военной истории и подготовке к возможной войне существенно усилился.

Например, прямым следствием пленума 1965 года и съезда ВЛКСМ 1966 года стало расширение Всесоюзного туристского похода молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Несмотря на милитаристскую ориентацию кампании, внутренний отчет деятельности организации в первой половине 1966 года показывает, что их задумка была определенно неэтнической и ориентированной на советскую интерпретацию народа. Стоит дать длинную цитату из отчета:

«Наряду с продолжением походов по местам героических сражений ВОВ в большинстве республик, краев и областей широкое распространение среди молодежи получают маршруты по путям Красной Армии в годы Гражданской войны, изучение истории создания и становления Советской власти. Традиционными становятся массовые военизированные игры, мотоэстафеты, слеты в местах, связанных с наиболее яркими событиями в жизни советского государства, партии, комсомола. Отличительная черта проводимых в этом году мероприятий – их ярко выраженная военно-патриотическая направленность, сосредоточение усилий туристских отрядов и экспедиций на подготовку к 25-летию обороны городов-героев и победы под Москвой. [...] Десятки тысяч молодых следопытов изучают историю битвы за Москву, восстанавливают зем-

---

⁵¹ Например, см. заявление С.С. Наровчатова во время выступления на пленуме Комсомола в декабре 1965 года: Верные подвиги отцов. Материалы VIII пленума ЦК ВЛКСМ. М., 1966. С. 110. Пленум ВЛКСМ состоялся 27-28 декабря 1965 года.

⁵² Как ни странно, источником двух таких случаев были отделения Комсомола в нерусских республиках. В открытом письме молодежи украинского города Измаил местные комсомольцы писали: «[Это] наш долг отдать свой разум и силы, чтобы превратить наш город славы русского оружия...». РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1196. Л. 13-14. В деятельности минского военного клуба мы встречаем второй такой пример. В плане по работе с молодежью было указано, что в одной из предлагаемых лекций должно было говориться «о героическом прошлом нашей Родины (период 1812 года и годы гражданской войны)». Источником информации для лекции «выступают бывалые боевые генералы, офицеры и руководители партизанского движения». РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 496. Л. 12, 14.

лянки, доты, траншеи, приводят в порядок могилы павших на земле Подмосковья. [...] Около двух с половиной миллионов юношей и девушек приняли участие в массовых стрелковых соревнованиях в мае с.г., из них более миллиона двухсот тысяч человек выполнили нормативы комплекса "Готов к защите Родины"»⁵³.

Главным событием в рамках кампании были постоянные Всесоюзные слеты победителей. На эти недельные экскурсии – обычно в города-герои – отправлялись тысячи молодых людей со всей страны для участия в мероприятиях, связанных с Великой Отечественной войной. Как становится ясно из планов и репортажей о Всесоюзном слете в Москве в 1966 году, эти события следовали однотипному шаблону: посещение советских памятников, встречи с ветеранами и военно-ориентированные игры⁵⁴. Как и в случае с поздне-социалистическими празднествами в честь Дня победы, эти мероприятия никогда не включали в себя знакомство с досоциалистическими русскими темами; они были прочно укоренены в неэтническом символизме социалистического Союза⁵⁵.

Это не является особенно удивительным. Брежнев разделял желание группы Павлова прививать чувство патриотизма в отношении советской Родины, и беспokoился по поводу попыток развенчать наиболее заветные советские мифы, особенно о победе в войне. Как генеральный секретарь объяснял на заседании Политбюро в ноябре 1966 года,

«Подвергается критике в некоторых произведениях, в журналах и других наших изданиях то, что в сердцах нашего народа является самым святым, самым дорогим. Ведь договариваются же некоторые наши писатели (а их публикуют) до того, что якобы [...] не было 28 панфиловцев, что их было меньше, чуть ли не выдуман этот факт, что не было Клочко и не было его призыва, что "за нами Москва и отступать нам некуда[!]"⁵⁶. Договариваются прямо до клеветнических высказываний против Октябрьской революции и других исторических этапов в героической истории нашей партии и нашего советского народа. [...] Нам нужно действительно привести в систему на новой основе, на новой базе,

⁵³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 38. Д. 37. Л. 48-52. Всеобъемлющую программу действий по воспитанию в рамках кампании, которая акцентировала внимание исключительно на событиях после 1917 года, см. в: РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 38. Д. 37. Л. 14-18.

⁵⁴ Отчет Павлова о слете для Политбюро см. в: РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 38. Д. 38. Л. 1-4. О мероприятии также относительно подробно рассказывалось в *Комсомольской правде*. См. выпуски 31 августа – 13 сентября 1966 г.

⁵⁵ Документы о планировании торжеств в честь Дня победы показывают, что празднование имело неэтнический характер и было сфокусировано на социалистической эпохе. О планировании юбилейных торжеств в 1975 и 1985 гг. в особенности см.: ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 220. Д. 330. Л. 7-9; ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 220. Д. 330. Л. 10-14; ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 220. Д. 1118. Л. 114-121.

⁵⁶ Важно отметить, что Брежнев не повторяет русоцентрическую часть всей цитаты: «Ни шагу назад! Велика Россия, а отступать некуда, – позади Москва!».

на тех идеях, которые дал XXIII съезд партии, и историю нашей Родины, и историю Отечественной войны, и, прежде всего, историю нашей партии»⁵⁷.

Эти настроения отражали главные опасения высокопоставленных павловцев, как, например, Василия Трушина, первого секретаря горкома ВЛКСМ Москвы, который на пленуме организации в 1965 году отметил: «Но вот что беспокоит. Тема войны часто получает свое освещение через концлагеря и пленных, причем в постановке вопроса, на наш взгляд, ощущается явный перекося, историческая фальшь. Читаешь [...] что самыми активными патриотами в войну были те, кто оказался в плену»⁵⁸. Решение проблемы, предложенное Павловым, по всей видимости, возникло после речи Брежнева в Политбюро. В газете *Большевик* в декабре 1966 года первый секретарь ВЛКСМ обозначил приоритеты Комсомола на будущее:

«Молодежь проявляет огромный интерес к истории и теории коммунистического движения. В связи с этим в наступающем учебном году рекомендуется новая программа "Беседы о партии". Это будут простые и непринужденные беседы старых коммунистов, героев гражданской и Великой Отечественной войн, передовиков труда.

Обеспечить преемственность поколений помогает овладение богатейшим историческим опытом страны. Комсомольские организации обращают большое внимание на изучение молодежью истории нашего государства, Коммунистической партии, на широкую пропаганду опыта социалистического строительства в СССР. Большую популярность получили походы по местам революционной, боевой и трудовой славы»⁵⁹.

Если сказать просто, существовало много точек соприкосновения между русофильскими группами Павлова и Шелепина, с одной стороны, и кругом Брежнева, с другой, которые не предполагали обращения к эксклюзивистскому, русоцентрическому взгляду на войну. Естественно, более осторожный подход Брежнева и Сулова к доминирующему этническому элементу страны законсервировал русоцентрические настроения в партии и государственных органах. Также периодически позволялся ограниченный русский национализм в отдельных литературных журналах и историко-охранном движении⁶⁰. Тогда еще более удивительно, что открытые проявления русоцентризма были столь нечастыми и выбо-

---

⁵⁷ Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС [10 ноября 1966 г.] // Вестник. 1996. № 2. С. 112, 120.

⁵⁸ Верные подвигу. С. 54. См. также идеи, высказанные во время проведения XV Съезда ВЛКСМ 17-21 мая 1966 г.: XV Съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Стенографический отчет. М., 1966.

⁵⁹ Цит. по: Медведев Р.А. Политический дневник. Амстердам, 1972. Т. 3. С. 127-128.

⁶⁰ Brudny. Reinventing Russia.

рочными в контексте государственного культа войны. Вместо материализации этнической иерархии государства, повсеместность мифа о войне в позднесоциалистическую эпоху представляла собой попытку создать приемлемое пансоветское прошлое, которое бы со временем взяло верх над внутренними этнонациональными расхождениями. Используя терминологию Хрущева, война стала «суровым испытанием» для наднационального советского народа – развитие этого понятие шло в ногу с развитием культа войны.

«Суровое испытание» народа

Если Сталин риторически пропагандировал «советский патриотизм» в качестве идеала, который «не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью», то при последующих руководителях государства доктрина «советского народа» стала акцентировать не столько братство отдельных наций, сколько неэтническую, гражданскую однородность⁶¹. О русских по-прежнему говорили как о первых среди равных, но данный аспект уже был менее выраженным, что указывало на постепенное смещение внимания руководства с этноцентризма на отождествление со сверх-этническим целым. Эта национальная интеграция была долгосрочной целью советской национальной политики с 1930-х гг., а понятие советского «народа», как показывает Герхард Симон, в действительности отражало сталинскую дефиницию нации, хотя сам термин «нация» никогда не использовался в этом контексте⁶². Позднесоциалистический культ войны был оформлен таким образом, чтобы как раз служить опорой этой новой предпочтительной метафоре советского воображаемого сообщества⁶³.

Связь между наднациональным народом («новая историческая общность») и Великой Отечественной войной была официально подтверждена в Программе партии 1961 года⁶⁴. Документ совершенно четко указывал на первостепенную важность наднациональной идентичности государства, а также ссылался на «советскую национальную государственность» и «социальную однородность»⁶⁵. Избегая какого-либо упоминания дореволюционного наследия, вводные замечания

---

⁶¹ Сталин И.В. О великой Отечественной войне Советского Союза. С. 160-161. Цит. по: Hosking. *Rulers and Victims*. P. 231.

⁶² Simon G. *Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society*. Trans. Karen Forster and Oswald Forster. Boulder, 1991. P. 307-308.

⁶³ Szporluk R. *The Fall of the Tsarist Empire and the USSR: the Russian Question and Imperial Overextension // The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective / Ed. K. Dawisha, V. Parrott*. Armonk, N.Y., 1997. P. 82.

⁶⁴ Продолжение доклада товарища Н.С. Хрущева // *Правда*. 19 октября 1961. С. 2.

⁶⁵ Двадцать второй Съезд КПСС // *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. М., 1972. Т. 8. С. 282-283.

Хрущева и текст Программы представляют советское участие в Великой Отечественной войне как «суровое» для народа: «Победа советского народа в этой войне подтвердила, что в мире нет сил, которые могли бы остановить поступательное развитие социалистического общества»⁶⁶.

Несмотря на то, что главным лейтмотивом хрущевской идеи «народа» было нивелирование этнических особенностей в целях продвижения пан-советской однородности, в отдельных местах Программы одобрялся «расцвет отдельных наций», в других был замечен русоцентрический тон, когда о русском языке говорилось как о «языке межнационального общения». Действительно, обучение на русском языке оставалось обязательным, а обучение на национальных языках стало добровольным в 1958 году⁶⁷. Оба аспекта Программы являются признанием этно-партикуляристской реальности советского государства, а также подтверждением того, что руководство партии не имело намерений полностью подавить этнонациональную – особенно русскую – идентичность в краткосрочной перспективе. Эти заявления, тем не менее, согласовывались с развитием деэтнизированного советского народа, даже если их двусмысленность давала почву для разнообразных интерпретаций. С одной стороны, Хрущев и Брежнев придерживались ленинской идеи о том, что этнические различия со временем будут размываться, даже если национальные культуры будут процветать⁶⁸. Более того, эти руководители продвигали русский язык как средство построения неэтнической советской нации и государства. В то время как лингвистическая русификация, а также назначение преимущественно этнических русских на определенные высокие должности вызывали негативную реакцию со стороны нерусских республик в позднесоветскую эпоху, руководители государства от Хрущева до Горбачева полагали, что они проводят «советскую модернизацию посредством русского языка»⁶⁹. Русский должен был быть языком советского воображаемого сообщества, а победа в Великой Отечественной войне – его активным прошлым⁷⁰.

⁶⁶ Двадцать второй Съезд. С. 206-207; Продолжение доклада товарища Н.С. Хрущева. С. 2.

⁶⁷ Kreindler I.T. Soviet Language Planning Since 1953 // Language Planning in the Soviet Union / Ed. M. Kirkwood. L., 1989. P. 46-63.

⁶⁸ Kaiser R.J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, N.J., 1994. P. 152.

⁶⁹ Ibid. P. 26, 252, 289; Lieven. Weakness. P. 65. Курсив в оригинале.

⁷⁰ Tromly. Soviet Patriotism. P. 299-307, 11-16; Szporluk. The Fall of the Tsarist Empire. P. 81-82. Хорошие обзоры доктрины советского народа, включающие в себя различные акценты, см. в: Tolz V. Russia, Inventing the Nation. L., 2001. P. 183-190; Митрохин. Русская партия. С. 77-98; Rakowska-Harmstone T. Chickens Coming Home to Roost: A Perspective on Soviet Ethnic Relations // Journal of International Affairs. 1992. Vol. 42. No. 2. P. 529-530; Simon. Nationalism and Policy. P. 307-308, 14; Nahaylo B., Swoboda S. Soviet Disunion: a History of the Nationalities Problem in the USSR. L., 1990. P. 172-198; Bilinsky Y. The Concept of the Soviet People and its Implications for Soviet Nationality Policy // Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. 1981. Vol. 14; Rasiak R.O. "The Soviet People": Multiethnic Alternative or Ruse? // Ethnic Russia in the USSR: The Dilemma of Dominance / Ed. E. Allworth. N.Y., 1980; Dziuba I. Internationalism or Russification? A Study in the Soviet Nationalities Problem. L., 1970.

Советские идеологи начали разрабатывать концепцию советского народа с начала ее введения в 1961 году⁷¹, но свое полное выражение – равно как и увековечивание памяти о войне – она нашла только при Брежневе. В своем докладе, посвященном двадцатой годовщине Дня победы (*Великая победа советского народа*), он навсегда соединил народ с его величайшим достижением и, признавая многонациональный характер победы, он придавал особенное значение не многообразию, а единству: народ был «спаян нерушимыми узами братства»⁷². К XXIV Съезду КПСС в марте-апреле 1971 года понятие советского народа, сформированного в «боях в защиту социализма», уже стало ключевым элементом развитого социализма⁷³.

Хотя в публичных заявлениях Брежнев иногда отходил от понятий «сближения» или «слияния наций», эти колебания отражали скорее осторожность Политбюро в отношении этнических отношений, чем какой-либо перелом в убеждениях относительно превосходства наднациональной идентичности в долгосрочной перспективе⁷⁴. Как хорошо было известно советскому руководству, представители нерусского населения часто воспринимали риторику о «советском народе» как ползучую скрытую русификацию государства⁷⁵. Однако, как предположил Ярослав Билинский, использование понятия «советского народа» было отчасти обусловлено попытками приглушить *русский* национализм, который проявлялся преимущественно как реакция на протесты представителей нерусских народностей, особенно после того, как были опубликованы результаты переписи населения 1970-го и 1979-го гг., которые показали сокращение рождаемости этнических русских по сравнению с неславянским населением в среднеазиатских и кавказских республиках⁷⁶.

Примечательно, что на пятой странице выпуска *Правды* в День победы 1965 года была запрятана заметка о том, что украинский Совет министров наградил памятной медалью представителя РСФСР. Медаль была посвящена «братскому

---

⁷¹ Например, см.: Рогачев П., Свердлов В. Советский народ – новая историческая общность людей // Коммунист. 1963. № 9. С. 11-20. Статья ссылается на речь Хрущева.

⁷² Великая победа советского народа // Правда. 9 мая 1965. С. 3.

⁷³ См.: The 24th Congress of the Communist Party of the Soviet Union. M., 1971. P. 92, 101; Simon. Nationalism and Policy. P. 307-314; Duncan P.J.S. Ideology and the National Question: Marxism-Leninism and the National Policy of the Communist Party of the Soviet Union // Ideology and Soviet Politics / Ed. S. White, A. Pravda. L., 1988. P. 189; Hill R.J. The “All-People’s State” and “Developed Socialism” // The State in Socialist Society / Ed. N. Harding. L., 1984. P. 111-112.

⁷⁴ Bilinsky. The Concept of the Soviet People. P. 99, 128-33. О предложении ввести категорию «советская национальность» см.: Козлов В.И. Национальности СССР: этнодемографический обзор. М., 1975. С. 256-261.

⁷⁵ См. классическое исследование о таких взглядах, изначально выпущенное в самиздате: Dziuba. Internationalism or Russification. Инсайдерский рассказ о реальной озабоченности брежневского Политбюро об этническом национализме см.: Яковлев А. Омут памяти. М., 2000. С. 374-376.

⁷⁶ Bilinsky. The Concept of the Soviet People. P. 133. О негативной реакции русских на результаты переписи населения см.: Brudny. Reinventing Russia. P. 144-147; Kaiser. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. P. 394, 99.

русскому народу в знак глубокой благодарности и признательности украинского народа за активное участие в освобождении Украины от гитлеровских полчищ в годы Великой Отечественной войны»⁷⁷. Хотя эти настроения, по всей видимости, противоречили тону предыдущих четырех страниц, посвященных преимущественно наднациональной победе советского народа, совмещение тем представляет собой очевидный отход от сталинистского прошлого. Если при Сталине русский народ часто занимал центральное место, то теперь ситуация полностью изменилась. Русский этноцентризм и связанные с войной досоциалистические образы играли все меньшую и меньшую роль в ходе расширения культа войны.

Заключение

Возникновение мифа войны при Сталине и его дальнейшее развитие в 1950-х и начале 1960-х гг. предоставило советскому руководству подлинно социалистическое основание мифологии, посредством которой пропагандировались универсальные, неэтнические темы с целью всесоюзной интеграции и сплочения. В постсталинскую эпоху эта политическая линия наднациональной мобилизации, отражавшаяся в государственном культе войны, затмила предыдущую официальную практику использования досоциалистической, русоцентрической символики и помогала успешно продвигать идею неэтнической однородности в качестве альтернативы иерархического этнического партикуляризма. Это не означает, что режиму когда-либо полностью удалось внушить доминирующее чувство наднациональной принадлежности или что все эшелоны власти безоговорочно поддерживали данную цель⁷⁸. Напротив, советское увековечивание памяти о войне обнаруживает как ограниченность и крайне инструментальную природу государственного этноцентризма, так и последовательность, с которой господствующая фракция руководства страны пыталась пропагандировать идею воображаемого сообщества, основанного не на этничности, а на кросс-этнической памяти о прошлой славе.

---

⁷⁷ В благодарность русскому народу // Правда. 9 мая 1965. С. 5.

⁷⁸ Об ограниченном успехе режима создать советскую идентичность см.: Brandenberger D. *Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927-1941*. New Haven, 2011; Idem. *National Bolshevism*. P. 243-246; Ward C.J. *Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism*. Pittsburgh, 2009. P. 114-125; Tolz. *Russia*. P. 183.